

БИБЛИОТЕЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: СТРУКТУРА В ЦЕЛОМ

Введение

Несколько десятилетий назад можно было с уверенностью утверждать, что библиотечное законодательство должно носить преимущественно частный характер и определять лишь некоторые существенные моменты, как-то: уровень административной ответственности за работу библиотеки, источник финансового обеспечения, положение персонала и наконец отношения с другими административными уровнями и государственными органами. Мало того, вообще сомневались в необходимости специального законодательства: разве существование библиотеки не оправдывалось само по себе, без помощи нормативов, как бы полагаясь на добрую волю местных аппаратов и некоммерческих объединений? Действительно, многие страны вообще не имели библиотечного законодательства и не принимали никаких иных норм в отношении библиотеки, включенной в широкую сферу общего обеспечения поддержки культуры и образования, где нормы вообще касались только обслуживания, определения контингента, показателей производительности, уровней и видов кооперации.

Однако сегодня маловероятно, чтобы библиотечная система могла обходиться без поддержки законодательства и чтобы в рамках нормативов, не связанных непосредственно с библиотекой, не были предусмотрены меры, прямо относящиеся к ней. Вспомним вопросы, касающиеся обязательного экземпляра, авторского права, нормативов по предоставлению книжного и аудиовизуального материала, а также общего режима электронной информации. Решение их реально влияет на библиотечный мир. Мало того, неуклонно растет авторитет тех или иных европейских инстанций, особенно активных в продвижении инициатив и предложенных директив, допускающих существование национального библиотечного законодательства. Представляется невероятным, чтобы какое-то государство сегодня издавало законы об основных сферах работы библиотеки без предварительного изучения положения дел в европейских библиотеках.

Расширение необходимой юридической базы для библиотеки также является результатом ее нового позиционирования в современном обществе. Благодаря оцифровке материалов и информатизации процессов, библиотеки сегодня образуют единый блок с музеями и архивами в цепи культурного онлайн-обслуживания; с другой стороны, исследовательские группы и информационные агентства повсеместно соперничают с библиотечными службами, тем более, что общественная политика в вопросах культуры оказывает предпочтение частному сектору в областях, когда-то отведенных для общественного пользования.

С учетом этого, требование иметь единые законодательные нормы, охватывающие весь комплекс задач и функций библиотек, сейчас стало обязательным условием их развития, и не приходится удивляться росту числа стран, сформулировавших собственную библиотечную политику, дополненную нормативными документами обязательной силы. В общем и целом можно сказать, что в принимаемом библиотечном законодательстве могут быть две противоположные тенденции. Первая состоит в том, что всякая библиотечная политика рассматривается как основа для детальной разработки единой законодательной базы, при этом варианты ее применения могут быть различны. Вторая же ориентируется на определение общей системы, касающейся некоторых существенных моментов библиотечной политики и деятельности, предоставляя местным инстанциям задачу их усовершенствования с помощью оперативных постановлений и распоряжений. Последняя тенденция ясно просматривается при разработке документов ИФЛА о публичных библиотеках, чрезвычайно углубленных и детальных в 1970 г., на момент согласования универсальной модели законодательства [1], но более туманных и менее обстоятельных впоследствии, что проявилось в декларации принципов общего характера в виде Манифеста 2000. Углубленный характер законодательных принципов, касающихся европейских библиотек, прямо отражает мозаику культуры и самобытность Европы; помимо правовых и административных отличий добавляется и значительное разнообразие библиотечных моделей. И все же законодательство можно избавить от малоутешительных расчетов, которые не учитывают или сводят к нулю его скрытые ресурсы. Так, по данным нового исследования в 29 европейских странах в период 1995—2000 гг. уровень библиотечных расходов на душу населения составляет 86 Евро для жителя Дании и 0,9 Евро в Болгарии [3].

На основе анализа библиотечного законодательства и с учетом разнообразия национальной политики в вопросах культуры можно выделить 4 области библиотечной работы: 1) свобода выражения и свободный доступ к информации, 2) общеполитический план в отношении национальной и местной политики по информации, 3) библиотеки и индустрия знаний и 4) защита библиотечного достояния [4].

Свобода выражения и свободный доступ к информации

Благоприятной для свободы выражения является среда, в которой существует четкое равновесие между различными мнениями и отношениями. Оно основано на признании чужой культуры и самобытности, и если теория толерантности не может привести к абсолютному релятивизму, она все же может установить верхний предел, за которым толерантность, доведенная до крайности, способствует созданию нормативной и поведенческой структуры, менее благотворной для свободы выражения. Обычно считается, что граница между уважением свободы мнений и ограниченным суверенитетом теории толерантности установлена в рамках международной конвенции, в такой как, например, «Декларация прав человека» 1948 г., в ст. 19 которой записано:

Каждый имеет право на свободу мнения и выражения, включая право не испытывать стеснения из-за собственного мнения и право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от границ [5].

Формулировка Европейской Конвенции, подписанной в Риме 4 ноября 1950 г. (Совет Европы 2000с), в высшей степени ясна. Ст. 10 определяет, что:

(1) Каждый человек имеет право на свободу выражения. Такое право включает свободу мнения и свободу получать или передавать информацию или идеи, не подвергаясь преследованию со стороны государственной власти и без учета границ. Настоящая статья не препятствует государствам вводить режим разрешения для предприятий радиотрансляции, кинематографии и телевидения.

(2) Осуществление этой свободы, требующее уважения и ответственности, может сопровождаться формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и составляют необходимые в демократическом обществе меры обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности и общественной безопасности, защиты порядка и предотвращения преступлений, охраны здоровья и нравственности, охраны репутации или прав прочих, пресечения разглашения закрытой информации или гарантии полномочия и беспристрастности судебной власти [6].

Из таких определений следуют два основных вопроса. Первый касается полноты принципа свободы выражения без боязни ответных мер или репрессий, также в отношении мнений, не совпадающих с мнением большинства или противоречащих существующей морали и воле правительства. Такая защита гражданской свободы может опираться на Декларацию прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. (если не непосредственно на Великую Хартию 1215 г.) и согласуется с понятием «общественной сферы» по описанию Габермаса, т. е. области, в которой сторонники разных мнений могут свободно дискутировать в «общественном» пространстве, не подвергаясь цензурному контролю правителя или иной политической власти [7].

Внимания заслуживает и тот факт, что концепция свободы выражения со временем дополняется понятием обеспечения доступа к информации как свободы распространения информации без цензуры и как доступа к информации, сохраняемой правительством или демократической администрацией в целях обеспечения открытости и прозрачности. Доступ к информации означает не только защиту свободы передачи фактов и мнений, но и гарантию того, что они могут попасть по назначению в ходе коммуникации. Поэтому сфера личной свободы, в качестве дополнения, включает условия посредничества и гарантии открытости, которые общественные и частные субъекты (администрация, предприятия, организации) обязаны соблюдать в отношении передачи информации.

Этот подход означает переход от области гражданской свободы к режиму регулирования деятельности средств коммуникации, от библиотечного законодательства к национальной информационной политике. В обстановке туманной и сложной как никогда, информация и условия доступа к ней строго коррелируют с технологией передачи ее содержания; как удачно показал Де Сола Пул несколько лет назад в своей работе [8], ничуть не утратившей новизны, имеется некий мягкий детерминизм между технологией и свободой информации: это крупные и более многочисленные, рассеянные и децентрализованные организации и пути доступа к технологиям коммуникации (пример способов коммуникации в печати). И напротив, при большой

концентрации и монополизации собственности на средства информации и захвате крупных сетей лучше осуществляется контроль над информацией. Поэтому каждое государство обязано не только облегчать свободу распространения информации, но и осуществлять политику поощрения и поддержки в помощь гражданам при полной реализации их права доступа к информации.

В библиотеках эти условия в настоящее время реализуются в политике отсутствия и политике присутствия. Политика отсутствия касается необходимого отдаления политической власти от мер, которые могут каким-то образом блокировать доступ граждан к информации. На практике каждое мероприятие, направленное на ограничение доступа к содержанию, выделение документов в особые секции, исключение карточек из каталога или редактирование списков новых поступлений рассматривается как серьезное посягательство на свободу информации. В этом случае допускаются только ограничения предметного (тематического) характера, такие как запрет на книги для определенных категорий пользователей (например, детей). Подобные факты не редкость: случаи вмешательства в библиотечную политику комплектования периодически подтверждаются и находят широкий отклик в средствах информации. Американская библиотечная ассоциация очень активно осуждает все случаи, нашедшие подтверждение. Порой скандалы принимали острую форму, как, например, в 1997 г. во Франции, когда директора библиотек в городе, который контролировал Национальный фронт (ультраправая партия), получили предписание привести свою политику комплектования в соответствие с «новыми» читательскими потребностями граждан — избирателей этой партии и использовать предлагаемый список книг и периодики, исключаящий издания «социального» характера, например, направленный против расовой дискриминации.

Хотелось бы указать на один полезный международный доклад ИФЛА/FAIFE, поскольку в нем раскрываются наиболее вопиющие случаи нарушения свободы доступа к информации [9]. Благодаря контролю, в Европе отмечается немного случаев нарушения; положение намного серьезнее в Азии и Африке, где правительства систематически применяют цензуру во всех библиотеках особенно в Китае, Непале и Туркменистане. В Соединенных Штатах, с принятием закона о патриотизме после террористических актов в сентябре 2001 г., установилась прочная тенденция к увеличению в библиотеке информации ограниченного пользования. Закон о патриотизме фактически предусматривает, в нарушение всех законов о защите частной жизни, что администрация может владеть информацией о пользователях без ведома сотрудников библиотеки.

Проблемы доступа к информации особенно заметны в традиционной области работы, когда дело касается печатных документов. Однако их интенсивность и качество меняются, когда речь идет об электронной информации. Хотя Интернет следовало бы рассматривать скорее как решение, чем проблему, ясно, что доступ к электронной информации на веб-сайтах позволяет размещать огромное количество материала, для всех категорий пользователей, включая, например, и детей. В общем, политика в отношении доступа к информации культурного характера заключается в автоматической фильтрации его содержания, если оно выглядит неподобающим и блокировании доступа на сайты, которые считаются опасными [10]. Помимо всего, этот подход наиболее согласуется с международными конвенциями о правах человека, которые допускают отступления от фундаментального принципа во имя защиты частной жизни или национальных интересов.

Имеется два типа проблем автоматической фильтрации содержания. Первый относится к технике. Хотя все более совершенные программы могут связывать те или иные термины друг с другом и исключать нежелательные обороты или сайты, трудно учесть все контексты и отделить, скажем, термин «sepo», употребляемый исключительно в контексте детской порнографии от подобного, но в составе информации о грудном вскармливании. Остается, очевидно, еще более серьезная проблема — это воздействие систематической фильтрации информации на образование, доступ к информации и свободу выражения. Пока существует согласие по поводу фильтрации для детей явно порнографических сайтов (в Соединенных Штатах администрация Клинтона уже приняла в 2000 г. закон о защите детского Интернета), но спорным остается вопрос о блокировании сайтов, отражающих позиции расизма, сексофобии, человеконенавистничества, с одной стороны, или подстрекательство к терроризму, с другой.

В некоторых государствах принимаются законы регламентационного плана, упорядочивающие режимы, которые должны соблюдать учреждения культуры в вопросах фильтрации, но безусловно, тенденция к отбору информации усилилась в связи с событиями 11 сентября 2001 года, вызывая немало возражений и неприяни в библиотечных ассоциациях, вынужденных, вопреки своей традиционной политике, ужесточать критерии отбора информации.

Библиотеки в структуре национальной политики и информационных учреждений

Как уже говорилось, природа и сфера библиотечного законодательства обычно более всего обсуждаются в рамках нормативов. Речь идет о выборе между типологически тщательно разработанным превентивным документом и структурой, допускающей вмешательство, с дополнением последующими материалами. Спор периодически разгорается и затихает, и вывод, быть может, тавтологический, заключается в том, что не существует единой модели, отвечающей требованиям всех стран [11]. В некоторых, например в Швеции, превосходная библиотечная инфраструктура сформировалась самостоятельно, без поддержки библиотечного законодательства, а в 1996 г. возникла потребность подкрепить систему законом о библиотечном обслуживании. В 1970—1990 гг. французские и португальские библиотеки развивались в необычном ритме, без помощи законодательной структуры, но лишь за счет разовых вмешательств государства и заинтересованных муниципалитетов. Франция и Португалия имеют административную систему централизованного типа. В отдельных государствах, как в Германии или Италии, остро ощущается необходимость в законодательной структуре [12].

Один из наиболее важных моментов всякого библиотечного законодательства — это уровень ответственности уполномоченного руководителя отраслевой политики. По традиции публичные библиотеки входят в сферу компетенции министерств или местных управлений культуры, в то время как университетские и научные библиотеки относятся к компетенции министерства или уполномоченных органов просвещения, исследований и университетского образования. Нередко библиотеки получают фонды от разных министерских аппаратов. В общем, с учетом разнообразия институтов и конкретных случаев, можно предполагать наличие четырех моделей библиотечной политики: концентрации и передачи полномочий, децентрализации и «приватизации» [13].

В модели, основанной на концентрации полномочий, государство является главным действующим лицом в формировании национальной политики для библиотек и потому решает все, отдавая распоряжения по исполнению своим периферийным органам. Такая перспектива, неизменно присущая административной деятельности бывших социалистических стран и некоторых европейских стран почти десять лет назад, сегодня является чисто теоретической. Только государства с ограниченной территорией и населением подпадают под эту модель, иначе она трудно применима в повседневной работе библиотек. Разнообразные причины затрудняют внедрение такой модели и, напротив, требуют передачи полномочий другому ряду политического или финансового порядка или хотя бы распределения ответственности. Главная причина в том, что при существовании современной демократии информационная политика не может поручаться исключительно центральной власти, она должна распределяться между разными структурами гражданского общества, которые выполняют многие задачи, прежде порученные государству.

Передача полномочий может быть двух видов: административная автономия и децентрализация. Передача полномочий означает, что центральная власть дает подведомственное право и необходимые полномочия для управления имуществом, которое определено для данной местной организации. Местный орган поддерживается за счет экономических средств из местных источников, так же как и поступлений от центральной власти, которые при этом включаются в местный бюджет. Иными словами, под передачей полномочий понимается перенос ответственности с центрального уровня на местный, где местный территориальный орган получает полную автономию в порядке финансирования, эксплуатации, механизма принятия решений и ведения библиотечной деятельности. Другой уровень автономии — это когда различные местные организации выполняют близкие функции в режиме интеграции, например при организации в два уровня, когда низший занимается оперативной деятельностью, а высший обеспечивает координацию, контроль или финансирование. Бывает, что библиотека управляется муниципальным образованием, но при этом ее деятельность координирует инспекционное заведение на региональном уровне.

Согласно же модели децентрализации, правительства определяют цели, которые следует достигать административными силами и поручить местным организациям задачу их реализации. В такой ситуации ответственность за эксплуатацию и администрацию делегируется на децентрализованный уровень управления (муниципальное образование, провинция), но принятие решений и финансирование остаются на высшем, т. е. государственном уровне. Переход с высшего уровня на низший не всегда прост. Во Франции и Португалии велись переговоры на основе механизма финансирования, позволяющего центральному правительству участвовать в об-

щих проектах с местным самоуправлением по механизму проектного финансирования. После того как субсидия предоставляется в соответствии с порядком, предусмотренным договором, местный орган может использовать субсидию так, как сочтет нужным. Такой механизм оказался особенно удачным, когда муниципальные образования использовали внебюджетные фонды для строительства новых библиотек.

Термин «приватизация» касается общественной сферы, регулируемой исключительно по правилам свободного рынка. Естественно, это не касается библиотек. В этой сфере приватизация, по крайней мере так, как она интерпретируется в Нидерландах, означает, что часть бюджета, предназначенная для библиотек, обеспечивается общественными фондами, но они должны обращаться к альтернативным источникам финансирования для осуществления как текущей деятельности, так и проектов развития. В этой модели каждая библиотека принимает устав и учредительные документы и начинает активную политику сбора средств, привлекая благотворительные объединения и правительственные агентства. Хотя и говорится, что приватизация — это режим, благодаря которому государство перекладывает финансирование общественной политики на чужие плечи [14]; это один из режимов разгосударствления и привлечения частной инициативы в общественном обслуживании. В эпоху перехода государства от государственной экономики к рыночной библиотеки стран Восточной Европы были вынуждены прибегнуть к модели «приватизации», обращаясь к фондам благотворительных организаций за неимением общественных, среди которых особенно важными оказались средства Фонда Сороса, который частично оплачивал библиотечные поступления и, в ряде случаев, стипендии персонала.

Особая форма приватизации, хорошо известная в библиотечном мире, это *outsourcing*, или экстернализация — выход библиотечного обслуживания за стены библиотеки — с использованием сторонних специалистов. Библиотеки давно применяют такую форму контрактной деятельности, но лишь недавно она привлекла достойное внимание. Форма *outsourcing* касается каталогизации: Библиотека Конгресса стала продавать свои каталожные карточки еще в 1901 г., быть может, положив начало нынешней форме *outsourcing*, которая пользуется большим успехом в библиотечных учреждениях [15].

Сегодня все больше склоняются к экстернализации библиотечного дела, в том числе и таких его видов, передача которых прежде считалась неприемлемой, как развитие фондов. Такую работу можно отдавать на сторону, когда библиотека, например, должна удовлетворять читательские потребности иммигрантского контингента при отсутствии сотрудников с необходимым знанием языка для выполнения таких функций. Важно, чтобы *outsourcing* развивалась с учетом издержек и перечнем необходимых критериев при радикальной реструктуризации библиотечной организации.

Но наиболее распространенная деятельность в библиотеке, как при поддержке библиотечного законодательства, так и в его отсутствие, — это кооперация институтов различного подчинения и ориентации. Первоначально кооперация часто связана с информационной деятельностью библиотек и их сетевой структурой, которые позволяют распределять все виды профессиональных инструментов, наглядно увеличивая предложение услуг. Неформальная кооперация библиотек существовала всегда, и, вероятно, поэтому в начале XX в. национальные библиотеки осуществляли первую организованную услугу по кооперации, передавая свои библиографические данные другим библиотекам. Библиотечные сети (или *utilities*, как тогда говорили) умножились и упрочились в 60—80-х гг. XX в., положив начало поразительному и беспрецедентному развитию библиотечной истории. Остальное затем совершил успех Интернета.

Несмотря на технологии информации и коммуникации, сегодня допускается кооперация в любом виде и по любым соображениям на базе общих протоколов обмена; верно и то, что библиотечная кооперация предусматривает обслуживание организованное, определяемое общими правилами и совершенствованием работы на благо библиотек и их пользователей. Когда кооперация требует определенной степени координации и соглашений экономического характера, хорошо чтобы она сопровождалась институциональным законодательным обеспечением или хотя бы какой-то формой договоренности сторон. Долгое время считалось, что библиотечная кооперация должна прежде всего основываться на географической близости, и все участники должны проживать в одной провинции или регионе. В результате первые опыты библиотечных систем носили территориальный характер, с единым центром координации и агентством связи. Период 1970—1980-х гг. знаменовал подлинный расцвет систем региональной кооперации; показателен пример Германии, установившей развитую автоматизированную сеть для каждой федеральной земли в порядке естественного продолжения традиционных соседских связей, объединяющих библиотеки.

Однако технологии информации и коммуникации открыли возможности, намного превосходящие локальную сферу, и теперь территориальный критерий не является приоритетным, как прежде, тем более, если — как оказалось после первых попыток автоматизации — провинциальные и региональные сети соблюдают стандарты, и механизмы обеспечения трудно согласовались друг с другом.

Автоматизированные сети в кооперации также организуются в административном порядке, особенно в таких странах, как Франция, где в развитии библиотек часто применяется подход «сверху вниз» (впрочем, не всегда негативный). В целом, такой подход имел и имеет достоинство, обеспечивая общие методы для библиотечного обслуживания, с более высоким уровнем однородности служб, надзора и контроля.

Другой подход, вытекающий из информатизации библиотек, установился как отраслевой, в частности там, где имеется традиционный водораздел между публичными, университетскими и научными библиотеками. Подход отраслевого типа хорошо работает там, где публичные и университетские библиотеки автономны, а также всегда есть потребность в централизованных механизмах координации и надзора. Однако кооперация между родственными учреждениями больше не обязательна, и во многих странах, применяющих этот подход, как, например, в Дании, уже не пользуются централизованными системами развития сетей, включая как публичные, так и университетские библиотеки.

Короче, сегодня накоплен опыт кооперации *a la carte*, вне зависимости от учреждения или технологии, основанной исключительно на собственных требованиях, и при отсутствии стабильных нормативов; чаще прибегают к договорам частного характера для стабилизации отношений и определения сферы исполнения. И кооперация библиотек, основанная на единой автоматизированной системе, уже не столь обязательна ввиду того, что возможность обмена с помощью протокола Интернет, и в результате — взаимосвязанность систем, способствуют значительно расширению горизонтов обслуживания.

Однако ясно одно: больше нет иллюзии, которая еще господствовала в начале 1990-х гг. относительно возможности зарождения европейского рынка библиотечной индустрии с продуктами и услугами европейского происхождения. Поступательные действия концентрации и интеграции, необычайные достижения технологии, американские сети и библиотечные автоматизированные системы, часто выступающие как побочные продукты мультинационального бренда, разрушили концепцию европейской специфики промышленных решений и ориентировали рынок на рабочие платформы и направления глобального развития.

Библиотеки и индустрия знания

Библиотеки составляют неотъемлемую часть индустрии знания, в которой участвуют либо как покупатели изданий, либо, лишь частично, как альтернативные издательства, когда размещают произведения и статьи, представляющие научный интерес, на веб-сайте своего учреждения или в архивах открытого доступа. В обоих случаях они являются активными посредниками в информационной цепочке и, следовательно, обязаны соблюдать и заставлять соблюдать законодательные меры, направленные на защиту интеллектуальной собственности, формирующие авторское право.

Нормативы по авторскому праву во всех странах в последнее время претерпели серьезные изменения, уступая требованиям производителей информации, желающих защищать свои публикации, которые распространяются в сетях коммуникации. Два закона пробили брешь в традиционном устройстве законодательства: первый — это *Millenium Digital Copyright Act* (закон тысячелетия о цифровом праве), принятый в Соединенных Штатах в 1998 г.; второй — Директива 2001/29/ЕС Европейского Парламента и Совета Европы от 22 мая 2001 г. об урегулировании некоторых аспектов авторского права [16]. Последнее положение, направленное на примирение двух разных традиций — англосаксонской и континентальной, особенно подходит для применения вне англосаксонской сферы и потому заслуживает нашего внимания.

Директива 2001/29/ЕС, как впрочем и *Millenium Digital Copyright Act*, не предусматривает обновления элементов, составляющих авторское право. Такие проблемы, как идентификация обладателя права или на произведения, подлежащего охране, рассматриваются в русле традиционного законодательства. И такая проблема, как сроки охраны авторского права, отличающиеся в разных европейских странах, решается благодаря Директиве 93/98/ЕЕС 1993 г., которая устанавливает единый предел — 70 лет после смерти автора. Однако европейское и американское законодательства имеют некоторые расхождения, касающиеся трех тем, непосредственно связанных с библиотечной работой: репродуцирование (воспроизведение) документов, право

временного предоставления и, наконец, лицензирование цифровых документов для целей отображения и распространения (тиражирования).

Сразу поясним, что репродуцирование документов, т. е. фиксация опубликованного произведения в другой форме, всегда рассматривается как «эксклюзивное» право обладателя авторского права. Бернская Конвенция о защите произведений литературы и искусства (в редакции 1971 г.) признает, например, эксклюзивное право разрешать или запрещать репродуцирование произведений, защищенных авторским правом, «каким-либо образом и в какой-либо форме» (ст. 9) [17]. Директива Европейского союза идет еще дальше и признает «эксклюзивное право разрешать или запрещать репродуцирование прямое или косвенное, временное или постоянное, любым образом и в любой форме, целиком или частично» (ст. 2). И Бернская Конвенция, и европейская Директива, тем не менее, допускают исключения и ограничения, когда репродуцирование производится для личного пользования, и оставляют разработку законодательства по этому вопросу на усмотрение отдельных государств.

Национальные законы, касающиеся рамок регламентации и соглашений между издателями, издательскими ассоциациями и поставщиками услуг репродуцирования, устанавливают в общем сферу применения, вознаграждение, положенное обладателю права и посреднику, которые получают royalties (отчисления), уплачиваемые пользователями. В общем, все национальные законы делают основное различие между деятельностью репродуцирования, которая производится в сфере образования и культуры, и репродуцированием коммерческого типа. В Германии, например, где законодательство рассматривает договорную практику детально, репродуцирование допускается исключительно: а) в научных целях, б) для формирования архива, в) для целей образования, г) когда речь идет о мелких частях документа или работах, отсутствующих в продаже в течение двух лет. А итальянское законодательство ограничивает репродуцирование для личного пользования до 15 % опубликованного произведения [18].

Отличаются нормативы репродуцирования в Великобритании и Соединенных Штатах, где действуют правила, соответственно, добросовестного обращения (честной игры) и добросовестного пользования. Под добросовестным обращением понимается использование публикации для «личного изучения, разбора, обзора и цитирования информации»; понятие «добросовестного пользования» в американском законодательстве сходно с предыдущим, но для него определены более четкие критерии отступления от норматива, цели и характер пользования (которое должно быть связано с образованием, некоммерческим или направленным на получение прибыли), природа произведения, защищаемого авторским правом, количество воспроизводимого материала по отношению ко всему произведению и влияние репродуцирования на рыночный потенциал произведения [19].

Теперь, то ли наперекор англосаксонским понятиям добросовестного обращения (честной игры) и добросовестного пользования, то ли благодаря нормативной системе европейского склада, каждое национальное законодательство принимает концепцию выполнения репродуцирования «в разумной пропорции», «незначительно» или указывает «минимальную часть произведения». В Великобритании «разумная пропорция» часто интерпретируется как одна статья из номера журнала, конкретный доклад в материалах конгресса, один отрывок из книги, равный 15 % всего текста или одна глава целиком. Однако в одной категории произведений репродуцирование исключается полностью — это партитуры.

Перейдем к назначению использования публикаций. Репродуцирование в разумных частях допускается в порядке частного копирования, для личного, но не коммерческого пользования. Это вовсе не означает безвозмездное право. Компенсация, причитающаяся обладателям авторского права, производится организациями, которые в централизованном порядке занимаются получением прав на репродуцирование от имени издателей и авторов — речь идет о Reproduction Rights Organisations (RRO) (Организации прав репродуцирования)[20]. Такие организации работают в полусотне стран, часто с конкретными задачами; в Германии, например, по трем специализациям: репродуцирование текстового материала, видеоматериала и музыкальных документов. Часто RRO заключают взаимные соглашения и обязуются получать отчисления от имени зарубежных агентств по своему местонахождению. Взимаемые таким образом суммы затем передаются авторам или издателям в порядке, который варьируется в разных странах и основывается на расчетах или таблицах по правам репродуцирования или выборочных статистических данных по пунктам репродуцирования (например, бюро копирования или библиотека). Когда репродуцирование происходит в университетских библиотеках, компенсация, причитающаяся обладателю авторского права, часто производится по типовым договорам между Конференцией ректоров университетов и RRO, которые опираются на ряд показателей, как,

например, число студентов и количество страниц фотокопирования. Естественно, никаких отчислений не полагается, если произведения относятся к сфере общего пользования.

Особый случай составляет репродуцирование сотрудниками библиотеки для таких операций, как консервирование и межбиблиотечный обмен. И в этом случае репродуцирование строго регламентируется и в общем соответствует нормативам по частному копированию, и в этом случае также допускается полное репродуцирование произведения, когда оно уже не распространяется в свободной продаже.

Другое типичное законодательное предписание по авторскому праву, в котором библиотеки играют основную роль, является право предоставления (выдачи во временное пользование), которое требуется на каждую произведенную выдачу в библиотеке в порядке частичной компенсации несостоявшегося приобретения произведения в книготорговле. Право выдачи может рассматриваться и как способ компенсации авторам за выдачу их произведений в общественном учреждении (и следовательно, как форма стимулирования культурного характера), и как частное применение авторского права [21]. Оно действует в 35 странах, включая 25 европейских. В зависимости от обстоятельств, оно включается в законодательство по авторскому праву или входит в состав мероприятий государственной поддержки культуры. Право выдачи не предусматривается ни Бернской Конвенцией, ни Соглашением об авторском праве, принятым WIPO (Всемирной организацией по интеллектуальной собственности) в 1996 г., но опирается на Директиву Совета 92/100/СЕЕ 1992 г. относительно права проката и права выдачи [22]. Директива проводит разграничение между выдачей («передача в пользование на ограниченный срок, но не в целях экономической или коммерческой выгоды, прямой или косвенной, когда право выдачи осуществляется общедоступным учреждением», ст. 1) и прокатом (передача в коммерческих целях) и присваивает обладателям исключительное право разрешения или запрещения выдачи (ст. 2). Впервые введенное в Дании, право выдачи сегодня стало европейской нормой, применимой во всех странах Союза. Хотя в разных странах разные предписания, в целом можно сказать, что возмещение оплачивают не потребители, а непосредственно государство или компетентные библиотечные администрации.

И наконец, еще одна область применения защиты интеллектуальной собственности в библиотеке касается выдачи лицензий на использование электронных изданий. Часто говорят, что технологии информации и коммуникации создали свободную зону, в которой авторское право нарушается постоянно. Однако же цифровые технологии позволяют создавать новые формы охраны для обладателей авторского права, форматируя материал таким образом, что копировать произведение либо невозможно, либо чрезвычайно сложно. Согласно Директиве 2001/29/ЕС, копирование электронного издания и его передача уподобляется акту репродуцирования и, следовательно, регулируется согласно общим предписаниям. Директива, тем не менее, предусматривает в ст. 5 возможность отступления от общих предписаний. Они касаются временного репродуцирования (известные кэш-копии, которые служат для переноса материала на другой сервер или ПК), а также исключений и ограничений, предусмотренных национальной базой и касающихся действий, производимых «общедоступными библиотеками, учреждениями образования, музеями или архивами, которые не преследуют никаких экономических или коммерческих выгод прямо или косвенно» и когда «эксплуатация имеет исключительно иллюстративную направленность для учебных или научно-исследовательских целей». В этих случаях всегда указывается источник.

Еще один фундаментальный этап европейского законодательства составляет принятие Директивы 96/9/СЕ Европейского Парламента и Совета от 11 марта 1996 г. в отношении юридической защиты баз данных [23]. Для систематического и методичного собирания трудов независимых организаций — как определяется база данных — применяется принцип «*sui generis*», согласно которому, даже если материал не оригинален, творец компиляции все же охраняется ввиду его специфической роли организатора и редактора (издателя) данных.

Если эти юридические механизмы действуют в международной сфере, можно все же сказать, что пункты договоров между издателями и библиотеками всегда преобладают над предписаниями закона и допускают режимы любого рода, при условии согласия заинтересованных сторон. Эти договоры об использовании и доступе к электронным изданиям (или лучше сказать, к массивам электронных изданий) схожи с предусмотренными относительно информационного программного обеспечения и носят название лицензий. Следовательно, под лицензией понимается договор, в котором пользователям и указывается способ, которым они могут использовать продукт, гарантируя права и предписывая обязательства и ограничения по свободному распространению. Хотя лицензия обычно требуется тем, кто обладает авторским правом на издание, она отстает от традиционной формулы авторского права и может изменяться

произвольно с помощью договора и не принимать определенной и законной формы по отношению ко всем пользователям, как это происходит в библиотеке. Электронное издание может репродуцироваться как дубликат в целях консервации или для личного пользования, или для замены печатного издания, отсутствующего в продаже. Оно может распространяться в пределах одного или в нескольких ПК или в единой сети учреждений-участников консорциума. Каждая из таких ситуаций изучается в деталях ее применения и составляет предмет отдельного пункта договора.

Несмотря на свободу заключения договоров в сфере выдачи лицензии, возможности пользователя, особенно когда он не выступает совместно с другими пользователями в рамках консорциума, довольно ограничены по сравнению с всемогущими издательствами. Последние поставляют массивы публикаций больших объемов, поэтому единственный способ добиться выгодных договорных условий для библиотек — объединяться в коалиции пользователей, а именно: библиотечные консорциумы. Консорциумы не связаны с организациями, которые занимаются коллективным управлением авторского права (RRO), и заключают контракты непосредственно с издателями, в ряде случаев создавая общие «порталы» и «платформы».

Издательский договор, заключенный консорциумом, должен предусматривать целый ряд экстренных мер [24], которые касаются ограничений использования, сроков действия, условий продления, режимов доступа и передачи материалов, указанных в лицензии, причитающегося вознаграждения, обязательств пользователей, распределения между участниками, случайных пользователей, дистанционных пользователей, а также учитывать все пункты доступа к информации. Предусмотрительный библиотечный пользователь должен кроме того учитывать все виды платного права, как, например, право доступа на издательский сервер, местного хранения в соответствующей библиотечной системе, интеграции материала, указанного в лицензии, в информационные инфраструктуры и службы, а также возможность переносить его, предоставлять для участников доступа на месте в учебных и исследовательских целях, а также для личного потребления, печатать, выгружать, обеспечивать доступ для случайных пользователей и включать его в учебные курсы и другие виды учебных материалов.

Таким образом, всего за десять лет библиотекарши и информационные специалисты должны были освоить новые понятия и непривычную терминологию, выйти на позиции стратегического посредничества в условиях новой экономики доступа. Тщательно сбалансированные полномочия электронного издательства по трем категориям участников — поставщики, посредники, пользователи информации — сегодня во многом определяются природой и надежностью таких договоров, которые самостоятельно определяют политику коммуникации по доступу, гарантируя — или заставляя гарантировать — максимум равенства в свободном распределении коммуникации.

Особого внимания заслуживает общая смена парадигмы потребления информации и материалов по лицензии. Эта стабильная, нормативная и одинаковая для всех авторских прав парадигма сегодня преобразована в нечеткую договорную парадигму лицензии, в которой, помимо прочего, уже нет передачи имущества от продавца к покупателю, а речь идет о временном доступе к нематериальному имуществу, установленному на механическом сервере с клиентским доступом по временному праву. В итоге происходит переход от режима интеллектуальной собственности к режиму лицензированного доступа, с ограничением срока доступа к интеллектуальному достоянию и одновременного пользования: это оправдывает горькое размышление Рифкина, который утверждает, что сегодня приходится дороже платить за доступ к информации, которой даже не удастся владеть [25].

Охрана библиотечного достояния

Библиографический фонд не всегда может быть объектом доступности, а представлять особую ценность как культурное достояние. В этом случае к нему применяются нормы, обычно направленные на сохранение историко-художественного наследия. Правила охраны библиографического достояния отличаются только общей политикой, которой придерживаются ответственные учреждения, но законодательство по сохранению должно быть таким же, как если бы речь шла о владельце библиографического фонда, представляющего исторический интерес государственного уровня, местной или иной принадлежности.

Одну из крупных проблем консервации и сохранности библиотечного материала составляет определение собственно библиографического наследия на основе критериев, учитывающих его возраст, уникальность и рыночную стоимость [26]. Критерий неофициальный, не специальный, но действенный, согласно которому библиографический фонд имеет большую ценность, если он не представлен в изобилии в других библиотеках. Смесь таких критериев,

юридически оформленная экспертной оценкой и библиографов, составляет основу политики консервации. В Европе юридические документы по охране наследия издаются Советом Европы и Европейским союзом и подразделяются на документы по формированию библиографического наследия и документы, направленные на охрану их распространения.

Наиболее важным инструментом формирования, несомненно, является обязательный экземпляр изданий, согласно которому один или несколько экземпляров всех издающихся в стране произведений хранятся в определенном месте (обычно, в национальной библиотеке). Введение обязательного экземпляра относится к 1537 г., когда король Франции Франциск I издал эдикт Монпелье. Действующим основополагающим текстом для обязательного экземпляра является документ ЮНЕСКО, подписанный Жюлем Ларивьером, перечисляющий задачи и проблемы, в котором значительное место отводится депонированию электронных изданий [27]. Накопление национального фонда в определенном месте имеет три главные задачи: а) сохранение, передача и развитие национальной культуры; б) составление и издание национальной библиографии, и в) доступ к изданиям. При выполнении этих задач необходимо учитывать разнообразные элементы.

Первый — это библиографический учет. Многие годы и даже столетия законодательство предусматривало исчерпывающий характер собраний по всем видам материалов. В целом и в библиотечной практике политика полноты собраний в настоящее время проводится исключительно по следующим категориям материалов: монографии, периодика, официальные публикации, нотные издания и картографические материалы, хотя и отмечается тенденция к «выборочной полноте» — для записей музыки, кинофильмов, видео и CD-ROM, радио- и телевизионных программ, и электронных он-лайн-изданий.

Вторая цель депонирования — составление национальной библиографии — составляет очень привлекательный стимул для авторов и издателей. В то время как прежде это рассматривалось как безвозмездная экспроприация, в настоящее время издатели уже не питают неприязни к этому институту, при условии, что исполнение не слишком бюрократизировано и необременительно для отправителя. Документ ЮНЕСКО ставит точку по многим спорным вопросам за последние пятьдесят лет: выделяет издателей в категорию отправителей, сокращает число обязательных экземпляров до необходимого минимума, предлагает сосредоточить центральный депозитарий в одном учреждении (обычно это национальная библиотека или комплекс учреждений с внутренней координацией).

Проблема обязательного экземпляра электронных изданий, особенно острая в последние годы, также нашла частичное решение благодаря эксперименту ряда национальных библиотек, которые прямо выгрузили в свои электронные архивы некоторые издания, размещенные на Интернет, чаще всего по территориальному критерию (сознательно фильтруя синтаксический элемент адреса URL, например элемент «ru», относящийся к России). Однако некоторые библиотеки применяют выборочный и обоснованный критерий в комплектовании, полагаясь на определенные правила в области аудиовизуальных документов. Впрочем, страшны не столько технические или организационные, сколько юридические проблемы в отношении доступа, — несомненно, самый критический фактор регламентации депонирования электронных изданий. Зачем вообще содержать потенциально «мертвые» национальные собрания, если складированные документы недоступны? Эта проблема все же нашла частичное решение после принятия европейской директивы по гармонизации авторского права.

Другую типологию инструментов охраны библиографического наследия представляют предписания закона, регулирующие перемещение ценностей или незаконный оборот ценностей культуры [28]. В Европейском Союзе уникальные библиотечные собрания защищены Регламентом Европейского Совета 3911/92 от 9.12.1992 г., который содержит примерный перечень ценностей, подлежащих защите при обмене с третьими странами [29]. Такой регламент представляет исключение режима свободного оборота ценностей в сфере общего рынка и упорядочивает временный вывоз культурных ценностей для выставочных целей, упрощая необходимые таможенные формальности.

Большую обеспокоенность в европейских библиотеках вызывает нелегальное перемещение собраний, порождающее криминальную торговлю культурными ценностями. Подсчитано, что каждые полчаса в Италии похищают произведение искусства, включая многочисленные книжные редкости. Законы, касающиеся нелегального оборота культурных ценностей в разных странах различны. Вопрос о реституции похищенной собственности восходит к области частного международного права, но возвращение ценностей, вывезенных в нарушение национального законодательства по охране культурного достояния относится к общему международному праву.

Для того чтобы преодолеть несовершенство законодательства и различия толкований, подготовлен ряд юридических инструментов, нацеленных на создание единой юридической структуры на спорный случай. В 1997 г. по предложению Италии принята Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. против незаконного оборота культурных ценностей, которая однако еще не подписана некоторыми государствами, в которых наиболее распространено перемещение культурных ценностей, как например Великобритания и Германия. Та же судьба постигла Европейскую Конвенцию 1985 г. о нарушениях, затрагивающих культурные ценности, предложенная Советом Европы, которую подписали всего шесть стран. И наконец следует упомянуть Директиву Европейского Совета 93/7/СЕЕ от 15 марта 1993 г. в отношении реституции культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государства-участника, которая касается объектов культуры, похищенных в стране Евросоюза, и определяет процедуры по их реституции [30].

Захватывающая глава в истории библиографического наследия касается собраний, перемещенных в годы войны из оккупированных государств в Германию во время фашистской оккупации и из Германии на территории бывшего Советского Союза после освобождения оккупированных территорий русскими войсками. Эти собрания, рассеянные и найденные как бы случайно после падения Стены, считались «военным трофеем» сталинской России и отправлены в запасники русских музеев, библиотек и архивов [31]. Составление памятных записей и списков приводило не столько к реституции, сколько к операциям по цифрованию перемещенного достояния.

Инструментом упорядочения вопроса является Конвенция ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, принятая 12 мая 1954 г.; эта конвенция исходит из печальной реальности в период конфликта стран бывшей Югославии [32]. Несмотря на то что она ратифицирована большим числом стран, ее вступление в силу, по мнению Дроза, тормозится некоторыми обстоятельствами, как например составлением международного «Регистра» культурных ценностей, подпадающих под действие Конвенции [33].

Оценка библиотечной политики

Наше краткое путешествие по директивам, законам, регламентам и направлениям политики в отношении библиотек близится к концу. Мы не претендуем на исчерпывающий охват пути или четкие определения всех этапов — и без того многочисленны пространства библиотечной деятельности, а следовательно, и законодательные и административные предписания, по возможности, европейского толка, с которыми приходится считаться для обеспечения безопасности своих действий. Если в прошлом предписания касались библиотечного руководства, администрации и персонала, то сегодня иерархия приоритетов очень возросла за счет авторского права в библиотечной практике.

Ввиду этого, как оценивать библиотечную работу? Теоретически не должно быть проблем контроля обслуживания, учитывая нынешнее совершенство библиотечной статистики, которая также располагает европейскими стандартами уровневой оценки. Фактически сравнительно легко показать, например, воздействие автоматизированной системы на справочную работу и выдачу или эффективность инициативы по кооперации для составления сводного каталога. Тем не менее статистика, связанная исключительно с оперативной библиотечной работой, может привести к преуменьшению и даже забвению комплексного воздействия работы библиотек по месту их деятельности хотя бы по двум причинам.

Первая касается понятий человеческого потенциала и новых полномочий, которые сегодня требуются для развития личности и социального прогресса. Традиционные задачи «читать, писать и считать» уже не удовлетворяют общество, которому необходимы комплексные знания и формы грамотности, включающие, к примеру, чтение диаграммы, работу с картой, использование численных таблиц и манипуляции с цифровыми ресурсами. Все эти документы необходимы для накопления знаний, которые приобретаются в школе или высших учебных заведениях, но закрепляются именно в стенах библиотек, за счет сравнения и профессионального использования справочных и библиографических инструментов.

Равным образом, включение библиотек в социальную ткань оценивается по иным, не количественным критериям чтения и выдачи документов. Библиотека и медиатека часто совмещаются в застойных городских районах или районах с населением, трудно поддающимся интеграции, поэтому их деятельность должна стимулировать новые формы общественного договора и гражданского преобразования, нацеленные на развитие самооценки и уверенности отдельного человека, коллективов, социальных групп.

Сейчас сложные формы грамотности, гражданские навыки, новые выражения социальных связей не просматриваются в сводках библиотечной статистики. Наряду с организационной

работой, следует использовать другие формы показателей социального воздействия и исследовательские параметры, например указание числа благотворительных групп, объединений и сетей поддержки, привлеченных в библиотечный «дом»; иными словами, следует оценивать, как и в какой мере он может стать местом сбора и развития толерантности и взаимопонимания народов и культур [34].

Оценивать библиотечную деятельность — это значит измерять дух подвижничества и организационную культуру, непосредственно обращенную к пользователю, формы личного общения, практику, ценности, менталитет, процессы.

Л и т е р а т у р а

1. Gardner F. M. Public library legislation: a comparative study. Paris: UNESCO, 1971.
2. В 1973 ИФЛА опубликовала Standards for public libraries (пересмотр. в 1977). В 1994 был принят IFLA/UNESCO Public Library Manifesto (<http://www.unesco.org/webworld/libraries/manifestos/libraman.html>); в 2001 — The public library service. IFLA/UNESCO Guidelines for development. (<http://www.ifla.org.sg/VII/s8/proj/publ97.pdf>).
3. Ramsdale Ph. Millennium Study. Library Economics in Europe. 2001. (<http://www.libecon.org/millenniumstudy/default.asp>)
4. Library legislation and policy: a European perspective // International Information and Library Review. 2000. N. 32. P. 1—38.
5. La Dichiarazione universale dei diritti umani. Сайт Ufficio dell'Alto Commissario dei Diritti umani. (<http://www.unhchr.ch/udhr/lang/itn.htm>).
6. Il testo della Convenzione. Официальный сайт Ministero della Giustizia. (http://www.giustizia.it/pol_internaz/tutela/ce_salv_diritti.htm).
7. Habermas J. Storia e critica dell'opinione pubblica. Roma-Bari: Laterza, 1998.
8. De Sola Pool I. Technologies of freedom Cambridge (Mass.). The Belknap Press of Harvard University Press, 1983.
9. Seidelin S., Hamilton S. IFLA/FAIFE World report. Libraries, national security, freedom of information laws and social responsibilities. Copenhagen: IFLA/FAIFE Office, 2005.
10. Sturges P. Public Internet Access in Libraries and Information Services. London: Facet Publishing, 2002.
11. Granheim E. Public library legislation in Europe. A comparative study. Oslo: Statens bibliotekstilsyn, 1995.
12. Library legislation in Europe. Discussion papers and country reports / Council of Europe — Goethe-Institut / Ed. by C. Bohrer. Bad Honnef: Bock und Herchen, 2000.
13. Schuster M. J. Deconstructing a Tower of Babel: privatization, decentralization, and devolution as ideas in good currency in cultural policy // Voluntas. International Journal of voluntary and non-profit organisations. 1997. 8 (3). P. 261—282; Traniello P. Biblioteche pubbliche: il quadro istituzionale europeo. Roma: Sinnos, 1993; Traniello P. La biblioteca pubblica. Storia di un istituto nell'Europa contemporanea. Bologna: Il Mulino, 1997; Legislation for the book world. Proceedings of the international conference and workshop (Warsaw, 13—15 november 1996) / Council of Vitiello G. Alessandrie d'Europa. Storie e visioni di biblioteche nazionali. Milano: Sylvestre Bonnard, 2002. Europe; Ed. by C. Keane. Strasbourg: Council of Europe publishing, 1998.
14. Schuster M. J. Op. cit.
15. Vitiello G. Alessandrie d'Europa. Storie e visioni di biblioteche nazionali. Milano: Sylvestre Bonnard, 2002.
16. Il Millennium Digital Copyright Act (<http://www.copyright.gov/title17/circ92.pdf>); il testo della Direttiva europea (http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!CELEXnumdoc&lg=EN&numdoc=32001L0029&model=guichett).
17. <http://www.law.cornell.edu/treaties/berne/overview.htm>.
18. La legge tedesca sul diritto d'autore (Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (9. Sept 1965); zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 10. 9.2003 I 1774; 2004, 312) (http://portal.unesco.org/culture/en/file_download.php/4db063b87691710d0e115168738a9cddGerman+Copyright+Law.pdf); quella italiana (Legge 22 aprile 1941 n. 633 sulla protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio (Testo coordinato con le modifiche introdotte dalla http://www.interlex.it/testi/104_128.htm) (http://www.interlex.it/testi/141_633.htm).
19. Il testo della legge americana (Circular 92, Copyright Law of the United States of America and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code, June 2003) (<http://www.copyright.gov/title17/circ92.pdf>); la legge in vigore in Gran Bretagna (Copyright, Designs and Patents Act 1988, unofficial consolidated text of UK legislation to 31st December 2003) (<http://www.patent.gov.uk/copy/legislation/legislation.pdf>).
20. Molte informazioni sulle RROs. Сайт IFRRO (International Federation of Reproduction Rights Organisations) (<http://www.ifro.org/show.aspx?pageid=home&culture=en>).
21. Sul diritto di prestito in Europa si v. Extracts from IFLA. Committee on Copyright and other Legal Matters (CLM). Background paper on Public Lending Right. April 2005

(<http://www.ifla.org/III/clm/pl/PublicLendingRight-Backgr.htm>). e Marco Marandola. Il diritto di prestito nella legislazione italiana ed europea: con i testi delle leggi europee. Milano: Nyberg, 2004.

22. http://www.agcom.it/L_com/92_100_CEE.htm.

23. [http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!](http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!doc&numdoc=31996L0009&model=guichett&lg=it) CELEXnumdoc&numdoc=31996L0009&model=guichett&lg=it.

24. EBLIDA, Licensing digital resources: how to avoid legal pitfalls (<http://www.eblida.org/ecup/docs/warning.html>).

25. Rifkin J. The age of access: the new culture of hypercapitalism, where all of life is a paid-for experience. New York: J. P. Tarcher/Putnam, 2000.

26. Gautier-Gentes J.-L. Le controle de l'état sur le patrimoine des bibliothèques de collectivités et des établissements publics: aspects législatifs et réglementaires: essai de présentation critique. Paris: Institut de formation des bibliothécaires, 1998.

27. Larivière J. Guidelines for legal deposit legislation. Paris: UNESCO, 2000; Vitiello G. Op. cit.

28. Compendium of basic texts of the Council of Europe in the field of cultural heritage / Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 1998.

29. [http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!](http://europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!doc&lg=EN&numdoc=31992R3911&model=guichett) CELEXnumdoc&lg=EN&numdoc=31992R3911&model=guichett

30. [http://europa.eu.int/eurlex/lex/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX: 32002G0205\(03\):IT:NOT](http://europa.eu.int/eurlex/lex/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32002G0205(03):IT:NOT).

31. Nicholas L. H. The rape of Europe. London: Papermac, 1995.

32. http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=8450&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.

33. Droz G. A. L. La convention d'UNIDROIT sur le retour international des biens culturels volés ou illicitement exportés (Rome, 24 juin 1995) // *Revue internationale de droit international privé*. 1997. 86(2). P. 239—290.

34. Matarazzo F. Beyond book issues. The social potential of library projects. Comedia, 1998.